

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38

Научная статья

Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур»

Э.В. Хилханова¹, Д.Л. Хилханов²¹ Институт языкознания РАННаучно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям
Российская Федерация, 125009, Москва. Б. Кисловский пер., 1/1, корп. 28² Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Российская Федерация, Республика Бурятия, 670031, Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1

В данной статье изложены некоторые результаты проекта, цель которого заключалась в изучении процессов определения и (ре)конструкции этнической идентичности и ее связи с языком и культурой у азиатских мигрантов из бывшего СССР. Результаты анализируются с точки зрения разницы культур и ценностей как самой важной части культуры. Тем самым еще раз проверяется универсальность теорий о «столкновении цивилизаций» и «столкновении культур» С. Хантингтона и Р. Льюиса. Авторы статьи приходят к выводу, что, во-первых, культурная идентичность, в отличие от этнической, подвержена трансформации и в то же время устойчива. Во-вторых, разница культур («восточной» и «западной») имеется и ощущается на уровне культурных ценностей и норм, но при этом она не носит конфликтный, антагонистичный характер. Объясняются причины этого в свете вышеупомянутых теорий.

Ключевые слова: мигранты, культура, ценности, Европа, Центральная Азия, этнокультурная идентичность

1. Введение

В данной статье изложены некоторые результаты междисциплинарного проекта на стыке этносоциолонгвистики и культурной антропологии, цель которого заключалась в изучении процессов определения и (ре)конструкции этнической идентичности и ее связи с языком и культурой у иммигрантов нерусского происхождения из бывшего СССР, которые иммигрировали в страны Западной Европы во время и после перестройки.

Сама постановка проблемы идентичности в таком ракурсе обусловлена сложностью (само)идентификации людей, выросших и сформировавшихся в бывшем Советском Союзе с его идеологией пролетарского интернационализма и русским

© Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

языком как языком межнационального общения и оказавшихся впоследствии за границей. Проблематичный характер связи языка и этнической идентичности у этой группы отражается в самом термине «русский», используемом как в повседневной речи, так и в научной литературе в отношении всех иммигрантов из этого региона, хотя они представляют собой гетерогенную и многоязычную группу людей, и связь между языком и этнокультурной идентичностью у них отнюдь не однозначна.

Эмиграция из бывшего Советского Союза в страны дальнего зарубежья от начала перестройки и по настоящий момент носит беспрецедентный по своим масштабам характер. Мы не будем вдаваться в сложности миграционного учета; все ученые сходятся в том, что статистика здесь несовершенна, отличается от страны к стране, не совсем понятно, кого считать мигрантами при наличии постоянной, временной, циркулярной, транзитной миграции и т.д. Если говорить о миграции из РФ, то, согласно переписи населения 2002 г., общее количество эмигрантов, выехавших из России с 1989 г., — около 5 млн человек. Если мы добавим к этому количество мигрантов из бывших союзных республик, то количество русскоговорящих мигрантов, естественно, гораздо больше.

В проведенном нами исследовании мигрантами считались те, кто находился в странах Западной Европы не менее трех лет. Это достаточное количество времени, чтобы делать какие-то выводы о том, что происходит с идентичностью, культурой, языком страны происхождения мигрантов.

Основным инструментом сбора данных в проекте было социолингвистическое интервью, проводимое по стандартизированной анкете. Было опрошено 26 информантов в четырех европейских странах — Германии, Франции, Великобритании и Швейцарии. Информанты представляли две страны — Россию и Казахстан, три этноса — бурят, казахов, и якутов. Исследовались только мигранты первого поколения: это, как известно, существенный фактор, потому что язык (и зачастую и культура) страны происхождения мигрантов, как правило, в третьем поколении теряется и происходит почти полная ассимиляция. Количество опрошенных, хоть оно не очень велико, считается достаточным для исследования с применением качественных методов.

2. Обсуждение

Идентификационные стратегии мигрантов из бывшего СССР в странах Западной Европы

Мы рассматриваем результаты исследования с точки зрения разницы культур — культуры мигрантов и культуры принимающих западных стран. Подход к интерпретации данных будет принципиально индуктивный — только так можно получить сведения о том, существует ли на самом деле «столкновение цивилизаций» и «столкновение культур» — тезисы, изложенные в известных, но и оспариваемых книгах Сэмюэла Хантингтона [1] и Ричарда Льюиса [2]. Более того, новые эмпирические данные дадут нам сведения о том, как, по каким линиям, в каких областях происходит или не происходит это столкновение. Полученные сведения могут внести вклад в культурологию, межкультурную коммуникацию,

теорию миграционных исследований, культурную антропологию и этносоциологию, обогатить сами теоретические концепты в этой области, например, понятие идентичности и ее традиционно выделяемые компоненты, одним из которых является этнокультурная идентичность.

Если взять известную аналогию культуры с айсбергом, где на поверхности находятся видимые компоненты культуры (еда, одежда и другие артефакты), а невидимая, «подводная» часть представлена ценностями и нормами, то исследуемые этнические группы различаются видимыми компонентами культуры, но сходны в том, что находится в «подводной» части айсберга. Во-первых, это сходство определяется тем, что мигранты нерусского происхождения из постсоветских стран объединены своим советским прошлым, ведь за 70 лет в бывшем СССР сформировалась многонациональная общность людей, связанных общей историей, культурой и (русским) языком, советскими ценностями интернационализма, коллективизма и т.д. Во-вторых, как представители огромного центрально- и восточноазиатского региона, эти мигранты являются носителями, условно говоря, восточной культуры. Опрошенные информанты представляли два этноса: монгольский (буряты) и тюркский (казахи и якуты). Несмотря на этнические, религиозные, лингвистические и другие различия, их объединяет принадлежность к азиатской расе, кочевое прошлое и общие ценности, характерные для кочевых культур: динамизм, корпоративность, гостеприимство, культ предков [3. С. 125].

Анализ полученных результатов показал, что «гибридное» понятие этнокультурной идентичности не «работает» для объяснения того, что происходит с идентичностью людей в ситуации миграции в страну с другой культурой. Оно обладает экспланаторной ценностью только будучи разъятым на два исходных компонента: этническую и культурную идентичность. Поясним: согласно результатам нашего исследования, жизнь за рубежом, независимо от продолжительности пребывания, ничего не меняет в этнической самоидентификации. Несмотря на доминирование конструктивистского подхода к этничности в научном дискурсе, «обычные» люди интерпретируют ее в примордиалистском русле, т.е. все опрошенные определяли свою этничность по факту рождения:

...я чувствую себя казашкой, потому что я родилась в казахской семье.

Я всегда чувствовала себя буряткой, потому что мои родители буряты, я выросла в бурятской деревне, и я говорю по-бурятски.

Более глубокий анализ этнической самоидентификации позволяет выявить специфические стратегии этнической самоидентификации, но это уже выходит за рамки данной статьи [4].

Культурная же идентичность, в отличие от этнической, подвержена трансформации и в то же время устойчива.

Устойчивости способствует, во-первых, то, что она, безусловно, шире, чем этническая или лингвистическая идентичность, поскольку включает в себя культуру не только своего этноса, но и страны, региона, социальной группы и т.д. и позволяет охватить все аспекты человеческой жизни, включая как духовную (ценности, традиции, ритуалы), так и материальную культуру (одежда, украшения, еда и т.д.). Во-вторых, культурная идентичность может существовать как в вербальном, так и невербальном измерении. Последнее очень облегчает возможность

культурных практик для тех мигрантов, кто не знает языка своего этноса. Тогда диакритиками становятся артефакты материальной культуры (одежда, украшения, еда и т.д.), религия, народные и религиозные праздники, духовные ценности (уважение к старшим и т.д.), соблюдение ритуалов и традиций. Вот как говорит об этом один из мигрантов:

Якутские украшения носить, не забывать носить. Х — довольно-таки маленький город, и здесь довольно-таки броские они, поэтому.. здесь не очень часто надеваю я их. Как вылазки в большие города, я всегда с собой беру якутские украшения, по крайней мере, хотя бы сережки. Потом по дому, если переезжаешь, например, на новое место — покормить плиту... ну, то, что огонь — символ жилища. (Вера, 40 лет)

Трансформация культурной идентичности выражается в частичном усвоении ценностей принимающего общества: например, немецкой пунктуальности, добросовестного отношения к работе.

Что если работаешь, то нужно довести работу до конца... порядок ... А-а, или сестры говорят: вот у вас дети — индивидуалисты. У вас дети стали как немцы. Но если они с 4-летнего возраста здесь живут, конечно, они другие... Но рациональность, наверное, у них, у детей. (Саяна, 53 года)

Почти все информанты, живущие в Германии, отмечают, что в немецкой культуре им нравится точность, структура, порядок, воспитанность, пунктуальность, дисциплинированность (слова взяты из интервью так, как они сформулированы информантами).

Прежде всего вот эта вся точность. Начиная со всех мелочей — с автобуса, люди все точные: если они сказали — они сделали, в отличие... (Валя, 32 года)

Они все знают свои права, да? То есть... (Нина, 25 лет)

Дальнейшие (по мнению информантов) отличия немецкой (и в целом западноевропейской) культуры от бурятской (и в целом центральноазиатской) хорошо продемонстрированы в следующем отрывке из интервью:

Нина: В бурятской культуре мне нравится отношение к семейным ценностям, может быть...

Валя: Да. Отношение к семье, взаимоотношения в семье. Вот взаимоуважение, как мы друг друга поддерживаем, понимаем. Я, допустим, горжусь, что я вот выросла именно в таких условиях... у своих вот бабушки с дедушкой... они все равно... и родители... вложили какие-то качества, которые... Здесь же совершенно по-другому воспитывают детей, да? Ну, воспитанием, наверное, вот этой... горжусь тем, что именно там я выросла, в тех условиях, у этих людей.

Нина: Да, в бурятской культуре мне нравятся взаимоотношения в семье. Вот эти праздники, да? Бурятские, когда все собираются. Все равно сравниваешь и замечаешь, что у них здесь такого нет. То есть у немцев такого нет отношения. Отстраненность, у каждого своя личная жизнь...

Валя: А у нас вот, допустим, мы выросли в маленьком доме, и как-то очень тесно друг к другу, поэтому мы вот с сестрой такие уже взрослые люди так вот близко и тесно общаемся до сих пор. У немцев такого нет. У них большие дома, отдельные комнаты...

Нина: Это моя приватная сфера, это твоя приватная сфера.

Валя: И потом они тоже также себя ведут, какая-то конкуренция у взрослых людей, у сестер-братьев. Некоторые ... очень многие, которых я встречала, не общаются больше с родителями, потому что мама такая, отец такой, и как-то так все. Я этого не понимаю и чувствую: как хорошо, что я так вот выросла.

Нина: Русского человека отличает от немца теплое отношение.

Валя: Что мы чувствительны очень, эмоциональны, мы как бы не сдерживаем себя в таких вещах, когда мы хотим показать радость. Если мы злимся, то мы показываем злость. Ну вот это, наверное. А не вот так вот всё в себе держать, лишь бы рамки приличия.

3. Заключение

Таким образом, мы видим, что именно «подводный», самый важный уровень айсберга — уровень культурных ценностей и норм — это то место, где ощущается разница культур. По данным и нашего, и других исследований в области миграции, мигранты из бывшего СССР (как этнические русские, так и представители других этносов), с одной стороны, хорошо адаптируются в западных странах, с другой стороны, разница менталитетов ощущается на протяжении всей их жизни. Однако эта разница не носит конфликтный, антагонистичный характер, и постепенно эти группы в той или иной степени интегрируются или ассимилируются в принимающее сообщество в отличие, например, от турок в Германии или выходцев из Северной Африки во Франции. Б.С. Нанзатов, также изучавший калмыцкие и бурятские диаспоры в странах Евросоюза, тоже отмечал, что «особенностью стратегии интеграции бурят и калмыков в стране пребывания является не закукливание в границах своей этнической группы, а открытость, движение вовне» [5. С. 95]. Он писал, что для этой группы мигрантов важно «понимать и разбираться в ценностях, общепринятых представлениях и правилах поведения, свойственных культуре принимающего общества. В этой связи жизнь местного сообщества, социальные связи и отношения, функционирующие внутри общества, общепринятые правила и привычки изучаются и усваиваются мигрантами. Усвоение этих правил, познание менталитета принимающего общества помогают нашим соотечественникам впоследствии безболезненно стать его гармоничной частью» [5. С. 94]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что понятие «столкновение культур/цивилизаций» не совсем подходит для описания этого кейса (случая/примера) — «монгольской» и «тюркской» миграции из стран бывшего Советского Союза в западные страны.

Возможно, это потому, что теория С. Хантингтона не строилась на миграционных примерах; миграция — изначально неравная ситуация, и мигрантам открыты только стратегии культурного взаимодействия, доступные меньшинствам в межгрупповом контакте с большинством: интеграция, ассимиляция, сепарация или маргинализация. Хантингтон же говорил о тенденциях глобального конфликта в период после «холодной войны», имея в виду конфликт между (по его терминологии) восточноазиатской синайской цивилизацией (Китаем) при поддержке Северной и Южной Кореи и Вьетнама, и западными странами. Но самым

главным, как известно, он считал противопоставление между Западом и исламской цивилизацией. Интересно отметить, что Россию (а также Японию и Индию) Хантингтон называл «качающимися цивилизациями», которые могут выступать за любую сторону [1].

Можно выдвинуть много разных предположений и объяснений высокой адаптивности, неконфликтности и открытости мигрантов из азиатской части России и бывшего СССР. Так, это можно объяснить тем, что они и до миграции обладали би- и поликультурной идентичностью и интернационализм был частью их жизненного опыта. Можно сослаться и на то, что эти культуры относятся, безусловно, к коллективистскому типу (Россию, как известно, также причисляют к коллективистскому типу культур), и это наряду с другими факторами объясняет выбор этими мигрантами стратегии конвергенции, отказ от жесткого и тем более конфликтного отстаивания своей этнической самобытности, что автоматически способствует ассимиляции. Ведь в большинстве коллективистских культур конфронтация с другими людьми считается невежливой и нежелательной, а слова и действия людей не должны нарушать равновесия и гармонии в обществе. Но тем самым мы ступаем на зыбкую тропу интерпретации, где можно выдвинуть множество объяснительных теорий, доказать которые трудно. Поэтому оставим здесь пространство для свободных дискуссий.

Список литературы

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
2. Льюис Р. Столкновение культур: Путеводитель для тех, кто делает бизнес за границей. М., 2014.
3. Иванова Т.В. Иерархия традиционных ценностей кочевников как фундамент кочевой культуры // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6/2015. Философия. Социология. Политология. Культурология. С. 125—128.
4. Хилханова Э.В. Стратегии репрезентации этничности в миграционном контексте: на примере бурят-мигрантов в Западной Европе // Мир Центральной Азии-4: сб. науч. ст. / науч. ред. Б.В. Ванданов. Иркутск: Оттиск, 2017.
5. Нанзатов Б.З. Бурятские и калмыцкие диаспоры в странах Евросоюза: особенности формирования и жизнедеятельности диаспор // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. ст. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.10.2019

Дата принятия к печати: 09.12.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л. Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 31—38. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38

Сведения об авторах:

Хилханова Эржен Владимировна — доктор социологических наук, доцент, профессор Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Хилханов Доржи Львович — доктор социологических наук, доцент, профессор Восточно-Сибирского государственного института культуры. E-mail: dorjikh@mail.ru

Research Article

Ethnocultural Identity of Migrants from the Eastern Regions of the former USSR in the Light of “Clash of Cultures” Theory

E.V. Khilkhanova¹, D.L. Khilkhanov²

¹ Institute of Linguistics of RAS National Language Relations Research Center
1/1, building 28, B. Kislovsky, Moscow, 125009, Russian Federation

² East Siberian State Institute of Culture
1, Ul. Tereshkovoi, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670031, Russian Federation

The article presents some results of the project, the purpose of which was to study the processes of definition and (re)construction of ethnic identity and its relationship with the language and culture of Asian migrants from the former USSR. The results are analyzed in terms of differences in cultures and values as the most important part of culture. This once again tests the universality of the theories of “clash of civilizations” and “clash of cultures” by S. Huntington and R. Lewis. The author comes to the conclusion that, first, cultural identity, unlike ethnic identity, is subject to transformation and at the same time it is stable. Secondly, the difference of cultures (“Eastern” and “Western”) exists and is perceived at the level of cultural values and norms, but it is not of a conflict, antagonistic nature. The conclusion explains the reasons for this in the light of the above-mentioned theories.

Key words: migrants, culture, values, Europe, Central Asia, ethnocultural identity

References

1. Huntington, S. 2003. *Clash of Civilizations*. Moscow, «AST» Press. 603 p. Print. (In Russ.)
2. Lewis, R. 2014. *When Cultures Collide: Leading Across Cultures*. Moscow. 640 p. Print. (In Russ.)
3. Ivanova, T.V. 2015. “Ierarkhiya traditsionnykh tsennostei nomadov kak fundament kochevoy kultury”. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 6: 125–128. Print. (In Russ.)
4. Khilkhanova, E.V. 2017. “Strategii representatsii etnichnosti v migratsionnom kontexte: na primere buryat-migrantov v Zapadnoi Evrope”. *Mir Tsentral'noi Azii — 4: sb. nauch. st. / nauch. red. B.V. Bazarov [The World of Central Asia — 4: Proceedings of the International scientific conference. Ed. by B. Bazarov]*. Irkutsk: Ottisk. Pp. 44–47. Print. (In Russ.)

5. Nanzatov, B.Z. 2017. “Buryatskiye and kalmytskiye diaspory v stranakh Evrosoyuza: osobennosti formirovaniya i zhiznedeyatel’nosti diaspor” in *Transgranichnye migratsii v prostranstve mongol’skogo mira: istoriya i sovremennost’*. Vyp. 4: sb. nauch. Statei. Ulan-Ude, BSC SB RAS Press. 178 p. Pp. 88—100. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 18.10.2019

Accepted: 09.12.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Khilkhanova, E.V., Khilkhanov, D.L. 2020. “Ethnocultural Identity of Migrants from the Eastern Regions of the former USSR in the Light of “Clash of Cultures” Theory”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 31—38. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38

Bio Notes:

Erzhen V. Khilkhanova is a Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Research Center for National-Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Dorzhi L. Khilkhanov is a Dr. of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, East Siberian State Institute of Culture. E-mail: dorjikh@mail.ru